Вырезка из газеты СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО
22 СЕН 38

К 40-летию ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

ГОДЫ МОЛОДОСТИ

Апреля успех жестко после постановки «Трех сестер». Молодой театр, молодые актеры, но почемуть только двое были полными лишь — Станиславский и Дуны — и только один был профессиональным актером — Вишневский — двое спектакль, который стал поставлен его старшу с лучшими спектаклями, несмотрю любви выдающимся в Москве. Даже те, — а таких было не мало, — которые «не понимали» Чехова и говорили, прочитав пьесу:

— Да где же тут пьеса?.. Какие-то ничтожные! В чем вся трагедия — в Москву? ну, слететь в окно и покончить...

И те, увидев пьесу на сцене, были потрясены.

М. П. Ермолова вначале неуважительно относилась к Художественному театру. Ее сильно раздражали окружающие с необычайно бедовой разработке детали постановок: в пьесах Чехова на сцене были комнаты... за зелеей трепал сторчок... колебались от ветра занавески на окнах...

—Фокусы какие-то придумывают... К чему это... — недоумевала в недоумении госпожа она.

Но после представления «Трех сестер» она вынуждена была сбросить: вошла на кулисы, обнимала артистов, и обычно сдержанная до молчаливости, горячо выказывала им свой восторг. С тех пор она не пропускала ни одной премьеры. Известно из письма, написанного после представления «Чайки» Вишневскому. Ее чуткая натура не могла не отозваться на живительную правду, воплощенную которой была на сцене эта пьеса.

Недаром, которых было сперва немало, особенно опасавшихся в этом «сговорчивом», «опасном», «авантюрном» и т. д. Не у большинства нашлось не было чуть заметных, чтобы эти нежные мелодии волос: наоборот — только подчеркивалось ощущение «жизни в жизни» посвящение на постановщиков Художественного театра.

Не забыть, например, того впечатления, когда в «Дяде Ване», в отсутствие доктора, остается Соня, зала Елена и пишет.

«Тишина...» Пауза. Тишина. И вдруг — короткий стук лошадиных копыт: очевидно, нежданно и негаданно с мачехой доехали до дальней пасеки — и в дождливый час чтобы стыдно сами сыщиком от этой пасеки уединенной жизни. Возникается стук копыт о крышку гроба, опущенного в могилу. Потом опять тишина: все кончено.

Или, когда актеры «были комарами» — комаров сбили по лбу и по щекам, — так и хотелось жаркий летний зной: совершенно не нужна эта деталь ему действия, не нужна не отвлекала внимания от основного, так бы дома необходимо нашуи-то натуральности дыму.

В пьесах Чехова особенно достигались Художественным театром такие внутренние и иные быть не могли. Почти в каждой другой пьесе нужно было допустить, что вот такая-то сцена может быть заменена другой, а тогда-то выпущена, а тогда-то заменена для автора, для эффекта. В пьесах Чехова казалось, что не заменить, не прибавить ничего нельзя — как нельзя и нельзя изменить от течения. Я вас видала это Чехову, а он улыбнулся так, что я тогда сама сообразила: ошибаюсь, и сказала:

— Они актеры: все уж они так играют.

Но, конечно, это было не только потому, что «они актеры». Чехов — как ни кто иной, писал на сценичность, на выразительность, в живую жизнь, течение жизни, в самая неначительная мелочь у него, как в рассказах, так и в пьесах, имеет свое значение. «Попадись тебе!» и розовая вода — рассказывает все грану Маши в «Чайке». Недаром Лев Толстой сказал: «У Чехова нет лишних деталей — каждая для нужна, для прелестна». И все — у него и у Станиславского, сценичное, сознанность пути творчества и необходимостей гармонии. У Станиславского с годами выходит бесспорного автора для своих живых пьес человека. Например,

Начало см. в предыдущ. №

Т. Щепкина-Куперник

(Окончание)

вспоминается мне в «Трех сестрах» выход Михайловского у роли бон сана: давным-давно стаканов, который Чебутыкин вынет Ирине на именины. Все — лица его, фигура — это красноречивый рассказ о его жизни. И чет молодой, которому он заторопился, чтобы получить воинские выдержку, в его неизбежность перевязки, отсрочивого от разной дерзкая для полной, неизвестной службы, и та добровольная вы-ность, что он нашел человеческое отношение, так что уже чувствует себя участник при праздника, — неизбежности. Он без слов сосредоточил ту «сферу сценичну», такая что сценичных, чрезвычайно дорогой, которых часто забывали и на которых далеко не всякий режиссер и дебютанту Чебутыкину...

Или так же — несчастная женщина с перевязанной, из которой выпадает потом парикмахер артистка Боневи...

«Трех сестрах» нам были бы писать чтобы, потому что это одна из самых интересных для Художественного театра и его системы постановок. Сам Станиславский считал этот спектакль наиболее сильным на актерской игре, наилучшим достижением театра в этом смысле.

В этой пьесе мы впервые увидели на сцене живых, настоящих людей — от первого до последнего исполнителя. И интересного было то, что так были не портреты каких-то людей, похожие как фотографии, но как бы синтезированные портреты людей, которых каждый из нас так или иначе встречал в жизни. До такой степени сочувствия их жизненности было сильно, что, в помощи, в первые годы ревновали ни иногда задавались вопросом: что теперь, делают (не сказано было, 4 ноября) Ольга, Андрей, Ирина и т. д. Кто из нас в свое время не вел вот такого положения Вершинина — прапорщика, в молодости еще полковника, теперь в отставке, ушедшего в отставку, прежнюю службу на необходимости или по традиции, не любящей ее, абсолютно не подходящей к ней, любящей музыку, кроет, но имя подлинного долга, добросовестно тянущей лямку надоевшей службы, не или чего же дисциплинного долга отрывающейся от любимой женщины?..

Кто из женщин в театре не видел «Трех сестер» на выдаю вместе с Машей, которая не подвержена? Наша Кашпер не подвержена до тайны вместе жаждой любви, жгуще она так глубоко не потрудилась и не больны. А ведь это роль, в которой так мало слов.

Но, к вспоминаю, как-то Вторая по роту одной своей роли сказала мне: «Сегодня такужка грубы... если бы могла, — играла бы волка».

Вот что Кашпер почти достигла этого — она играла часто волка. И это было замечательно.

А Ольга — Савицкая в ее настоящей сложной боязни, в нежный цветок — Ирина Андреевна!..

Бутыкин — лучшая роль Вишневского. Под внешней убогой нарумяности человека в футляре тайная тяжкая любовь, что понятно, почему Маша не может бросить его... «Я довлею... Мама — чудная женщина»... Андрей — Дуганский, внутренний интеллигент, способный, любящий и гибнущий в обывательщине, как в болоте. Наконец, так нежно сентиментальнейшая пошлость — медоточивая Натуша — Лилина. Смотрю «Безрыбье», начиная, как бутылкин, «чистоплотно» своей пьяненькая Андрея, а потом все-все, рассмотривалось, прекрасная лыжница. Сидела, когда она идет кланяться с любезником и так торопится, что не успевает застегнуть ботинки и, шаловливо встала, бедная в своей красной рубашке, по не забывает ботинки, стоя, чтобы даром не торчали, — не забывается виноватая.

Каждый актер, каждый раз, каждая фраза — были шедевром. Станиславский сумел отыскать на сцене все, что было правдой жизни, нагрева ее разными путями, как советовал Гете.

Как много лет спустя в прелестной сказке «Синяя птица» он стоит заговорили свет, сахар, хлеб, вот, так, — так у Станиславского давно уже на сцене они и заговорили в жизни, в бесконечным умом...

Я не могу, не разберешь этого вечера, писать о всех постановках Художественного театра — на это нет времени и слишком в следующем этапе его — в пьесе Горького «На дне».

Чехов, в незначительной пьесе которого совершенно не было ремесла, профессиональной зависти, ясности и благодарных отношений, — почему относился к молодому Горькому, и употреблял все свое влияние, чтобы заставить его написать пьесу для Художественного театра. Из его переписки видно, какие он был на Горького советчиком в художественных принципах. В результате Горький стал писать пьесы. Уже «Мещане» подготовили зрителя к своеобразной манере, которая отличает — такой противоположной по приемам манере чеховского письма. Но настолько впечатления разочарованной бывшей прелестью «На дне» Горького, что не стоит сравнения. Чехов показывал ему все самое, «интересного внешнего», как в гаданье — с его «благими пожеланиями», которых нет «сбывшись на земле», в его известном пророчестве, отстранения реальных, обыкновенных, не показывает с человеческой интересной и малостью, с надеждой на лучшее будущее, которой уставит Вершинина, что «лет через двести все будет прекрасно, все будет устала Ада и Трофимова, — что жизнь будет доступна силам... Не Горький бесмыслестен и лишнем показал результаты своего пути, — не сравнение. Он показал, что в то время, как в таких отношениях потенциальных усилий и прекрасных, «хорошо с человеком» — все лучшие внешнем-сам зальем, реализуется противоречие слова — сотрясения воздуха, — и ничего подлинной «Чайки», — так вот, — «на дне», нет настоящая трагедия незаконных, отчаянности людей, и в этой трагедии нет места для «Чайки», которой расцвет так, именно, затеять выполняется сильным и великой музыке, сопровождающей прекрасные чувства, и заставляет читателя сопереживания видеть лучшего человеческого.

«Солнце всходит и заходит,

А в тюрьме моей темнота...

Нередко потом раздавали эту песню рабочим в студенты перед 1905 годом...

Впечатление, произведенное на меня «На дне», могу сравнить только с одним. Это — «Сильна сила — быть в Москве, в рассказе «Сашка» — сезон так мне, пьяные ужины и сцены особенно полны незаконных чувств, интересны и фотографии сцены — неудобные, а сообщение нарядам. Чтобы сохранить вечером путь в четыре, — на ужина в ежевечерний прием над вечером Чебутыкин. Над ним сидит — ужинающие — ужинающие — ужинающие — ужинающие — и значительными с гостями — в нетяжелых фраках. А чем выше — наверх настоящий ад. Нет потом говорили, что мы рисовали, если не только — то — всякое — что — мы — нарисовали — может быть только наша бессознательная сложность нас уберегла. Это было, так сказать, звериный начальный шаг для низших, бывшие — и — в — ужинающих. Бывшие — в — ужинающие стоятся, шалящие дети, лучшие женщины — все это время на цыганском фоне лежало молодыми, сильно, вязаны и нарты, это-то это-то бы, сливаясь, представляя, тяжелые выражения, хотят, можно — со стена стенала какая-то мольчания жидкость... Это было неопределенно. И контраст между тем, что так выжгут — и тем, что стенания — ужинающие — бывшие — ужинающие — и — ужинающие — и — ужинающие — и